

Джеймс Хэдли
Чейз

ЗАПАХ
ДЕНЕГ

Марк Гирланд

Джеймс Чейз

Запах денег

«Азбука-Аттикус»

1969

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Запах денег / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус», 1969 — (Марк Гирланд)

ISBN 978-5-389-16379-9

Рене Реймонд, известный всему миру под псевдонимом Джеймс Хэдли Чейз, прославился в жанре «крутого» детектива. Он вышел из семьи отставного британского офицера, и отец прочил Рене карьеру ученого. Но в 18 лет будущий писатель оставил учебу и навсегда покинул родительский дом. Постоянно менял работу и испробовал немало профессий, прежде чем стал агентом-распространителем книг, основательно изучив книжный бизнес изнутри. Впоследствии он с иронией вспоминал: «...Пришлось постучать не менее чем в сто тысяч дверей, и за каждой из них мог встретить любого из персонажей своих будущих романов... И столько пришлось мокнуть под дождем, что сейчас никто не в силах заставить меня выйти из дома в сырую погоду...» В течение почти полувековой писательской деятельности Чейз создал порядка девяноста романов, которые пользовались неизменным успехом у читателей разных стран, и около пятидесяти из них были экранизированы. В настоящем издании публикуется один из романов об агенте ЦРУ Марке Гирланде, созданный Чейзом в 1965–1969 гг.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16379-9

© Чейз Д. Х., 1969

© Азбука-Аттикус, 1969

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Джеймс Хэдли Чейз Запах денег

James Hadley Chase
THE WHIFF OF MONEY

Copyright © Hervey Raymond, 1969
All rights reserved

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

© Б. Белкин, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

* * *

Глава первая

Этим изумительным солнечным майским утром Париж выглядел как никогда прекрасно.

Из большого окна своего кабинета Джон Дори, глава французского филиала ЦРУ, любовался деревьями в свежей листве, молодыми девушками в весенней одежде и площадью Конкорд, как всегда заполненной транспортом. Жизнь прекрасна! И на столе только несколько не слишком серьезных и несрочных дел... Расслабившись в удобном кресле, Дори со снисходительной улыбкой созерцал вид, открывавшийся из окна.

Имея почти сорокалетний стаж службы в разведке, шестидесятишестилетний Дори вполне мог быть доволен собой. Он не только занимал пост директора филиала, но и оставался на службе, достигнув пенсионного возраста, – вернейшее доказательство того, что его ценят, а он сам может считать себя незаменимым сотрудником.

Этого человека невысокого роста, похожего на птичку, можно было скорее принять за преуспевающего банкира, чем за проницательного, не знающего жалости руководителя мощной организации, секретные операции которой столь серьезны, что лишь считанным людям известен их истинный масштаб.

Дори любовался девушкой в пикантной мини-юбке, собирающейся перейти дорогу, когда зазвонил телефон.

Улыбка исчезла с лица директора филиала. Телефон отравлял ему жизнь: был то миролюбив и спокоен, то нарушал тишину надоедливым жужжанием.

– Да?

Мавис Пол, секретарша, объявила:

– На проводе капитан О'Халлорен, сэр. Соединить?

Капитан Тим О'Халлорен отвечал за весь штат агентов ЦРУ в Европе. Он был не только правой рукой Дори, но и его близким приятелем.

Дори тяжело вздохнул. Любой звонок О'Халлорена означал неприятности.

– Хорошо, я поговорю с ним. – Когда в трубке щелкнуло, Дори сказал: – Это ты, Тим?

– Доброе утро, сэр. Я получил сообщение от Алека Хаммера из аэропорта Орли. Только что ночным рейсом из Нью-Йорка прибыл Генри Шерман. Он загримирован и едет по подложным документам.

Дори моргнул. Уж не ослышался ли он? Когда тебе шестьдесят шесть...

– Кто?

– Генри Шерман. Тот самый Генри Шерман.

Кровь ударила Дори в голову.

– Что за шутки?! – взревел он. – Что, черт побери, ты несешь?!

– Сейчас Генри Шерман выехал из Орли и направляется в город, – отчетливо и спокойно повторил О'Халлорен.

– Быть того не может! Тут какая-то ошибка! Шерман в Вашингтоне! Я...

– В настоящий момент, сэр, он на пути в Париж. Возможно, вы помните, что Алек Хаммер, прежде чем попал к нам, четыре года был телохранителем Шермана. Нельзя ошибиться в походке, манере жестикулировать, своеобразном покачивании головы. Хаммер утверждает, что человек с усами и в темных очках, прибывший экономклассом из Нью-Йорка, – Генри Шерман.

– Но Генри Шермана день и ночь охраняет ФБР! Он просто не может покинуть Нью-Йорк незамеченным. Хаммер наверняка ошибается!

– Нет, сэр. – В голосе О'Халлорена появились нетерпеливые нотки. – И еще: этот человек едет по паспорту Джека Кейна. Вы, безусловно, помните: Кейн очень похож на Шермана и два или три раза уже использовался как подсадная утка, чтобы отвлечь внимание прессы.

– А что, если это и в самом деле Кейн?

– Исключено. Я проверял. Кейн сейчас лежит в больнице со сломанной ногой. Автомобильная катастрофа. Считается, что у Шермана грипп и он дома в постели. Никто, кроме жены, к нему в комнату не заходит. Каким-то образом Шерману удалось обмануть охрану, а его жена делает вид, будто он болен. Хаммер прав, я уверен. Генри Шерман инкогнито находится в Париже.

– Ты знаешь, где он остановился?

– Нет, сэр. Хаммер потерял его, когда Шерман сел в единственное такси в Орли. Хаммер, правда, засек номер такси, и он ждет в аэропорту возвращения автомобиля, но это долгая история. Хотите, чтобы я проверил все гостиницы?

Дори колебался, быстро соображая. Наконец он сказал:

– Нет. У Шермана был багаж?

– Маленький чемоданчик.

– Ну хорошо, Тим. Предупреди Хаммера, чтобы он не болтал лишнего. Если узнает адрес, пусть не вздумает что-нибудь предпринимать самостоятельно. Жди у телефона. Ты мне можешь срочно понадобиться.

Дори положил трубку, откинулся на спинку кресла и невидящим взглядом уставился вглубь комнаты.

«Если это действительно Генри Шерман, – думал он, – какого черта ему надо в Париже? О’Халлорен, конечно, не ошибается... Что он, сошел с ума?» Последнее предположение Дори тут же отбросил. То, что Мэри Шерман явно помогала своему мужу в таком секретном и опасном путешествии, однозначно доказывало: они оба вовлечены в очень серьезное дело личного характера, которое принудило Шермана вылететь в Париж.

Дори вытер влажные руки платком. Если газеты пронюхают об этой истории... Генри Шерман в гриме путешествует по подложным документам!

Помимо того что в ближайшем будущем Генри Шерман, скорее всего, станет президентом Соединенных Штатов Америки, он принадлежит к числу самых богатых и могущественных людей страны. Президент Американской сталеплавильной корпорации, председатель совета Объединенных американских и европейских воздушных путей, директор многочисленных компаний. Шерман имеет огромное влияние в деловых кругах, и он на дружеской ноге со всеми членами нынешнего правительства. Его репутация безупречна, а его супруга, по общему признанию, будет идеальной первой леди.

Дори знал Шермана около сорока пяти лет. Первокурсниками они вдвоем делили комнату в общежитии Йельского университета. Дори помнил, каким динамичным и целеустремленным был Шерман уже в самом начале карьеры, как он вдохновлял приятеля занять место под солнцем... Дори отлично знал: то, что он до сих пор сидит за рабочим столом, а не прозябает на пенсии, – в значительной мере заслуга Шермана. «В отставку Дори? Почему? Потому что ему шестьдесят пять? Нелепо! С таким огромным опытом работы... Мы не можем позволить себе лишиться такого сотрудника».

Дори признавал, что Шерман часто слишком резок и крут, его взгляды чересчур антисоветские и антикитайские, но все же оставался верным этому человеку, который так много для него сделал. Но как быть в такой ситуации? Шерман не глупец. Он должен понимать, что из-за поездки в Париж рискует возможностью стать президентом. Какой скандал разразится, если о путешествующем инкогнито кандидате пронюхают газетчики!

Дори размышлял несколько минут, прежде чем наконец принял решение. Лучшее, что можно сделать, – это не делать ничего. Генри Шерман сам позаботится о себе. О’Халлорен предупрежден, Хаммер – хороший агент и болтать не станет.

Прелестный весенний пейзаж потерял для Дори свое очарование. Предположим, французская полиция разоблачит Шермана и предъявит ему обвинение в использовании фальшивых документов. Допустим, враги Генри – а таких немало – вычислят его и убьют. Допустим...

Дори содрогнулся. Все что угодно может случиться! Но что же делать?

Словно в ответ на вопрос зазвонил телефон.

– Да? – сердито буркнул Дори.

– Вам звонят, сэр, – доложила Мавис Пол. – Тот, кто звонит, не желает назвать свое имя.

Он просит передать, что вы учились вместе в Йеле.

Дори облегченно вздохнул:

– Немедленно соедините.

Наступила короткая пауза, затем мужской голос произнес:

– Это вы, Джон?

– Слушаю. Не называйте себя, я все знаю. Полностью в вашем распоряжении.

– Нам надо увидеться... Срочно. Крайне важно.

Дори кинул быстрый взгляд на ежедневник. В ближайшие два часа назначены две встречи, но все это может подождать.

– Где вы?

– В «Парк-отеле», на улице Месли.

– Я буду через двадцать минут. Пожалуйста, оставайтесь в своем номере. Вы зарегистрировались под фамилией Кейн? – Дори не мог отказать себе в удовольствии насладиться изумленным вздохом на другом конце провода.

– Да, но...

– Выезжаю.

Дори бросил трубку, схватил с вешалки плащ и шляпу и торопливо вышел в приемную.

Мавис Пол, красивая темноволосая девушка с прекрасной фигурой, прекратила печатать. Она служила у Дори немногим более года, и оба относились друг к другу с уважением. Мавис была добросовестным работником: серьезная, честолобивая и усердная.

– Возможно, я не успею вернуться к трем, – отрывисто бросил Дори. – Отмените все встречи. Скажите, что я плохо себя почувствовал.

Мавис была слишком догадлива и сразу поняла: вначале звонок О'Халлорена, затем звонок незнакомца, а затем босс пулей вылетает из кабинета. Эти события свидетельствовали о неприятностях, но Мавис привыкла к неприятностям. Она пожала красивыми плечами и потянулась за телефонной книгой, чтобы отменить встречи.

Дори подъехал на своем «ягуаре» к «Парк-отелю» – невзрачному грязному зданию возле площади Республики. Не найдя лучшего места, он оставил машину у ближайшего перекрестка. В голове у него не укладывалось, что будущий президент Соединенных Штатов Америки мог поселиться в такой гостинице.

Дори распахнул стеклянную дверь и вошел в пропитанный запахом чеснока и неисправной канализации крошечный вестибюль. За столом администратора сидел плешивый толстяк, бесцельно листавший страницы «Фигаро». Позади него была полка с ключами, рядом стоял выдававший виды внутренний телефон.

– Мне нужен господин Джек Кейн, – бросил Дори, облокотившись на стойку.

Портье сонно поднял голову:

– Кто?

Дори повторил имя.

Плешивый неохотно достал из ящика стола потрепанную регистрационную книгу и принялся ее изучать.

– Номер шестьдесят шесть, месье, третий этаж, – буркнул он и сразу же уткнулся в газету.

Чем выше поднимался Дори по протертой ковровой дорожке, тем сильнее чувствовался запах, заставлявший его морщить нос. Он добрался до третьего этажа, прошел по тускло освещенному коридору до двери шестьдесят шестого номера. Сердце билось немного быстрее обычного – то ли из-за подъема, то ли из-за того, что ему предстояла встреча с будущим президентом страны.

Он тихонько постучал, и после короткой паузы дверь открылась.

– Входите, Джон.

Дори вошел в маленькую, скудно обставленную комнату, а Генри Шерман закрыл и запер дверь. Двое мужчин пристально смотрели друг на друга.

Когда Шерману было под шестьдесят, он выглядел очень импозантно. Высокий, широкоплечий, с полным загорелым лицом, пронизательными серо-голубыми глазами и тонким упрямым ртом, он был не только красив, но и обычно излучал непререкаемую властность и силу.

Они не виделись более пяти лет, и Дори сразу заметил происшедшую в Шермане перемену. Что-то действительно ужасное должно было случиться, чтобы тот выглядел таким измученным.

– Рад вас видеть, Джон, – сказал Шерман. – Спасибо, что пришли так быстро. – Он помолчал, глядя на Дори, потом продолжил: – Как вы узнали, что у меня документы на имя Кейна?

Дори сбросил плащ и, когда Шерман присел на постель, занял единственный стул.

– Вас заметили в аэропорту, сэр, – тихо проговорил он. – Навели справки... О'Халлорен доложил мне.

Шерман устало провел рукой по лицу. Его широкие плечи поникли.

– Но как меня можно узнать? – спросил он, не поднимая глаз.

– Орли контролирует Алек Хаммер. Помните его? Он узнал вас по походке и жестам.

Шерман поднял голову и печально улыбнулся:

– У вас отличные агенты, Джон.

– Да. Вы надолго, сэр?

– У меня билет на следующий рейс через три часа. Догадываетесь, почему я здесь?

Дори покачал головой:

– Нет, сэр. Должно быть, произошло нечто чрезвычайно важное. Вы дьявольски рискуете... Впрочем, мне незачем вам это говорить.

Шерман снова грустно улыбнулся:

– Знаю. – Он подался вперед и пристально посмотрел на Дори. – Я здесь, потому что вы единственный человек, который может помочь мне сохранить надежду стать президентом. Единственный, на кого я могу положиться.

– Почту за честь, сэр, все, что в моих силах. Что я должен сделать?

Шерман не сводил с него взгляда:

– Вы... понимаете?

– Да.

– Я знал, что могу надеяться на вас, Джон. Черт побери! Мы с вами старые друзья. Когда заварилась эта каша, я сказал Мэри, что вы единственный, кому можно довериться. – Шерман замолчал. – У меня мало времени. Я хочу, чтобы вы кое-что посмотрели.

Он поднялся, вынул из чемоданчика узкоплечный кинопроектор, вставил катушку фильма и устроил аппарат на ветхом туалетном столике. Потом включил проектор в розетку и задернул тяжелые пыльные шторы, перекрывая полуденный солнечный свет.

Дори встревоженно наблюдал за ним.

Шерман включил проектор, сфокусировал изображение на грязной белой стене и сказал:

– Я уже видел это. Не желаю смотреть снова.

Он пересек комнату, на секунду вклиниваясь в изображение, сел на постель и закрыл лицо ладонями.

Это был один из запрещенных фильмов, столь популярных на американских молодежных сборищах: бесстыдный, грубый и, по мнению Дори, крайне омерзительный. Темноволосой, с чувственным, сладострастным ртом девице было лет двадцать. Ее партнер прикрывал лицо темной маской. Через пять минут, когда катушка опустела, Дори облегченно вздохнул. Он часто слышал о порнографии, но, по правде говоря, никогда ничего подобного не видел. Мужчина и женщина вели себя так, как не ведут себя даже животные! Дори был потрясен до глубины души и чувствовал себя оскорбленным: черт возьми, зачем Шерман показывает ему эту пакость?!

Когда пленка выскочила из катушки, Шерман выключил проектор и, глядя на Дори, от напряжения снявшего очки, нетвердым голосом сказал:

– Женскую роль в этом фильме, Джон, исполняет моя дочь.

Если капитан О’Халлорен радовался бдительности своего агента Алека Хаммера, то Сергей Ковский, глава парижского отдела советской службы безопасности, был доволен, что Борис Дрина узнал Шермана.

Дрина работал в Орли. Ковский направил туда этого тучного пятидесятилетнего человека, зная за ним недостаток мозгов и избыток лени. Дрина оставался агентом лишь благодаря своей необычной фотографической памяти. Он мог узнать любого, кого видел хотя бы мельком и очень давно. Его память безошибочно фиксировала все черты внешности и даже голос.

Четыре года назад Генри Шерман с супругой прибыли в Орли на обед к президенту Франции, и Дрина запомнил все их движения, жесты, походку. Заметив Шермана, на сей раз с усами и в темных очках, торопливо шагавшего к стоянке такси, Дрина положился на свою память и, в отличие от Алека Хаммера, немедленно принялся действовать. Он последовал за Шерманом и, когда тот садился в автомобиль, расслышал адрес: улица Месли, «Парк-отель».

Дрина сумел подойти так близко, сделав вид, будто он тоже собирается взять такси. Увидев его, Шерман бросил:

– Занято, месье.

Дрина приподнял свою потертую шляпу и попятился назад:

– Прошу прощения.

Едва машина отъехала, Дрина поспешил к ближайшей телефонной будке. Любое усилие вызывало у него одышку, так как он придерживался своеобразной диеты: водка, луковый суп и черный хлеб. Перед тем как звонить Ковскому, ему пришлось отдышаться.

Услышанное заставило Ковского буквально подскочить. Зная удивительную память Дрины, он не терял времени на сомнения.

– Немедленно отправляйся к «Парк-отелю», – приказал он. – Обо всех передвижениях Шермана сообщай мне. Я пошлю туда Лабре на машине, оснащенной рацией. Молодец, отлично сработал.

Автомобиль Дрины стоял на парковке в Орли. Алек Хаммер еще только докладывал О’Халлорену, когда Дрина уже изо всех сил семенил к машине. Дрина плюхнулся на сиденье и завел двигатель.

Слова похвалы сладчайшей музыкой звучали в его ушах. Уже давно Ковский не говорил ничего приятного в его адрес. С учащенно бьющимся сердцем, прерывисто и тяжело дыша сквозь стиснутые зубы, Дрина мчался по автостраде к Парижу.

«Женскую роль в этом фильме исполняет моя дочь».

Какое-то мгновение Дори думал, что ослышался, но один взгляд на мрачное лицо Шермана сказал ему все.

Теперь он смутно припомнил, что у Шермана есть дочь. Она, кажется, училась в каком-то дорогом швейцарском пансионе... Лет шесть-семь назад. С тех пор он ничего о ней не слышал.

На отдыхе или на важных приемах и обедах чета Шерман появлялась без дочери. Дори вспомнил девушку в фильме. Да, она пошла в мать. Длинноногая, с красивыми руками, она унаследовала красоту и обаяние Мэри.

– Мне очень жаль, – пробормотал Дори.

– Вам лучше узнать всю эту грязную историю. – Шерман помолчал. – Наверное, тут есть и моя вина, я не хотел детей... В общем, с первых дней мы почувствовали неприязнь друг к другу. Это был настоящий маленький чертенок. Она устраивала какие-то кошмарные сцены, вопила и кричала, пока не добивалась своего. Со временем Джиллиан стала просто невыносимой. Как, черт побери, можно работать, если отовсюду ревет эта музыка и надрываются длинноволосые подонки?! Я просто не мог больше выдержать. Да и зачем? Джиллиан превратила мой дом в какой-то зоопарк. И я отправил ее в Швейцарию, в лучшую частную школу. Она оставалась там четыре года. Боже, вы не представляете себе, как я наслаждался ее отсутствием! В общем, Мэри и я привыкли жить без нее. – Шерман, нахмурившись, не сводил глаз с рук. – Мы были постоянно заняты. Когда выпадало время отдохнуть в компании тех, кто помогал мне делать политическую карьеру, места для молодой девчонки там не находилось. Конечно, мы регулярно переписывались. Она ничем не увлекалась. Я предложил ей заняться архитектурой, нашел женщину-профессора, которая согласилась учить ее, заботиться о ней, ездить во Францию, Германию, Италию. Полтора года назад профессор сообщила мне, что Джиллиан собрала вещи и уехала в неизвестном направлении. – Шерман замолчал. – Тогда мне показалось, что это, пожалуй, к лучшему. Я был страшно занят... Мэри, естественно, беспокоилась, но поймите, Джон, у нее тоже хватает дел. Она мечтает стать первой леди так же сильно, как я мечтаю стать президентом.

Дори слушал вполуха. Не выходил из головы бесстыдный фильм, который он смотрел с таким отвращением. Дочь Шермана! Холодок пополз по его спине. Стоит только этой ленте попасть в чужие руки...

Шерман продолжал:

– Конечно, я сознаю, что во всем случившемся есть доля нашей вины, мы вели себя эгоистично. Но Джиллиан просто не соответствовала нашему образу жизни! Я был готов давать ей деньги, но она никогда не просила. – Он замолчал и взглянул на неподвижно сидевшего Дори. – Мы хотели отделаться от нее, и вот результат.

– Да, – произнес Дори, чувствуя необходимость что-то сказать. – Я понимаю.

Шерман выдавил грустную улыбку:

– Это потому, что вы верны мне, Джон. Для большинства людей я получил по заслугам. – Он достал из бумажника листок и передал его Дори. – Вот, взгляните.

«Неудачнику, который вообразил, что будет президентом. Шлем вам сувенир из Парижа. В нашем распоряжении три экземпляра еще лучше (или хуже) этого. Если вы все еще намерены продолжать борьбу на выборах, эти сувениры попадут в руки ваших противников, которые сумеют ими распорядиться».

Дори внимательно вчитался в текст и поднял листок к свету, изучая водяные знаки на бумаге.

– У вас есть конверт, сэр?

– Пленка и письмо пришли с дипломатической почтой, – сказал Шерман.

Он достал объемистый конверт из плотной манильской бумаги и вручил его Дори.

На конверте было указано:

Генри Шерману, лично и срочно

134 Уайтсайд Кресент, Вашингтон

Через американское посольство в Париже

Наступило молчание. Его прервал Шерман:

– Ну, Джон? Теперь вы знаете, почему я здесь. Кто-то в Париже – а это ваша территория – шантажом пытается заставить меня отказаться от борьбы на президентских выборах. Мы с Мэри обсудили положение. Она хочет, чтобы я сдался, но я подумал о вас. Джек Кейн всегда выручал меня. Я проведаль его в больнице, сказал, что должен лететь в Париж, и попросил его паспорт. Он согласился не колеблясь... Если вы не поможете мне, я вынужден буду отказаться от борьбы. Вряд ли нужно говорить вам, что значат для меня президентские выборы. Итак, вы поможете мне?

Дори задумался. Увидев его сосредоточенное лицо, Шерман отвернулся и нетвердой рукой закурил сигару. Томительное молчание длилось несколько минут.

– Найти и обезвредить шантажиста, – наконец сказал Дори, – не проблема. Для этого у меня есть люди и средства. Но боюсь, это не выход. – Он посмотрел прямо на Шермана. – Мы с вами друзья. Вы многое сделали для меня, и я был бы рад оказать ответную услугу. Но у вас есть враги. Кое-кому в ЦРУ вы не нравитесь. Не все разделяют ваши взгляды... Это их право. Если я буду действовать в рамках служебных полномочий, может распространиться информация о том, что ваша дочь... Я говорю прямо, так как у нас мало времени. Итак, официально использовать моих сотрудников нельзя. Вы же знаете, копия каждого дела высылается в Вашингтон... Вот, сэр, какова в общих чертах ситуация.

Шерман закрыл лицо ладонями, его могучие плечи бессильно опустились.

– Мэри говорила примерно то же самое. Понимаю, Джон. У меня была слабая надежда, что вы в состоянии помочь мне, но я не слишком-то на это рассчитывал. Ну что ж, мне конец. По крайней мере, я сделал все, что в моих силах.

– Я не сказал, что не могу вам помочь, сэр. Я сказал, что, действуя официально, не могу вам помочь, – спокойно заметил Дори.

Шерман пытливо взглянул на него:

– Вы поможете мне?

– Думаю, да. Но это будет стоить денег.

Шерман сделал нетерпеливое движение:

– Что для меня деньги?... У вас есть план?

– Попробую связаться с Гирландом. Если кто и способен справиться с такого рода заданием, то только он.

– Гирланд? Кто это?

Дори криво улыбнулся:

– Хороший вопрос. Гирланд был одним из моих лучших агентов, но мне пришлось отказаться от его услуг: слишком мало послушания. Человек весьма сомнительных принципов; достаточно сказать, что он надул меня на крупную сумму денег. Сильный, беспощадный, в совершенстве владеет приемами карате, первоклассный стрелок, а кроме того, умен, проницателен и ловок. Знает Париж как свои пять пальцев. Он на дружеской ноге со всеми мошенниками и шулерами, всюду у него связи весьма сомнительного толка. У Гирланда всего две страсти: деньги и женщины.

Шерман с сомнением посмотрел на Дори:

– Вы уверены, Джон? Вы не шутите? Такой тип вполне может пойти на шантаж.

– Гирланд никогда не станет шантажистом. У него есть свой кодекс чести. Я его знаю – он волк-одиночка и себе на уме, но если уж он берется за дело, то выполняет. Я бы не говорил этого, если бы не был уверен.

Шерман поколебался, затем беспомощно развел руками:

– Что ж, выбора у меня нет. Раз вы так считаете, давайте найдем его. Он не откажется?

Дори кисло улыбнулся:

– Дайте ему почуять запах денег, и нет такой работы, за которую он не возьмется. Не исключено, что это обойдется вам тысяч в двадцать. Конечно, я попытаюсь договориться с ним о меньшей сумме. За такие деньги Гирланд похитит самого Шарля де Голля.

Дрина нашел Поля Лабре за столиком на террасе кафе напротив «Парк-отеля». Он тяжело опустился рядом, снял шляпу и вытер вспотевшую лысину.

– Ну как дела?

– Наш человек прибыл пятнадцать минут назад, – сказал Лабре, не глядя на Дрину.

– Все тихо?

– Да.

Полю Лабре исполнилось двадцать пять лет. Он появился на свет в результате мимолетной встречи официантки из забегаловки с одним американским солдатом, на следующий день исчезнувшим из поля зрения будущей матери.

Лабре был высокого роста, болезненно худой, с большим, плотно сжатым ртом и карими бегающими глазами. Густые волосы цвета льна спускались до плеч. Зеленые солнцезащитные очки, казалось, были неотъемлемой частью его лица; некоторые знакомые Поля даже уверяли, будто он и спит в них. Лабре неизменно носил черную водолазку и черные брюки, казавшиеся нарисованными на нем. Он слыл сообразительным, остроумным, но вспыльчивым, злым и опасным в драке.

Один из агентов Ковского как-то увидел его в одном из подвальных помещений, где юный Поль разъяснял группе хиппи основы теории коммунизма. Агент был так потрясен услышанным, что сообщил о юноше Ковскому. С Лабре провели беседу, и теперь за свои услуги он получал такие деньги, которые позволяли ему вести любимый образ жизни.

По мнению Ковского, Лабре вполне надежно оправдывал вложенные в него восемь сотен франков в месяц. Американские туристы были только рады, когда Лабре предлагал им показать изнанку ночной жизни Парижа. Они молили языками, а он слушал и передавал Ковскому. Того всегда поражало, как много и свободно болтают подвыпившие и желающие развлечься ВИП-персоны.

Бармен вышел из кафе на залитую солнцем террасу и остановился возле Дрины:

– Что угодно, месье?

Дрина хотел заказать водку, но испугался: вдруг Лабре донесет, что он пьет в рабочее время? Когда через минуту бармен принес кофе и удалился, Лабре презрительно проговорил:

– Твоя шляпа похожа на труп вымокшей собаки. Почему бы тебе не купить новую?

Шляпа была больным местом Дрины. Он не мог позволить себе обновку, но, даже если бы у него водились деньги, он ни за что не расстался бы со старой шляпой. Она напоминала ему о счастливых днях в Москве.

– А почему бы тебе не подстричься? – огрызнулся Дрина. – Ты похож на лесбиянку!

Лабре подавился смехом.

– Возраст тебе на пользу, – произнес он, переводя дух. – Это уже неплохо. Может, ты и не такой болван, каким кажешься.

– Погоди! – зарычал Дрина. – Если бы мы были в Москве...

Но Лабре не слушал и продолжал смеяться:

– Лесбиянка!.. Мне это нравится. Надо рассказать Ви!

Дрина внезапно напрягся: по улице торопливо прошел Джон Дори, огляделся по сторонам и исчез за дверью гостиницы.

Лабре вопросительно посмотрел на Дрину:

– Ты его знаешь?

– Заткнись! – буркнул Дрина и, подбежав к телефонной будке, позвонил Ковскому. – В «Парк-отель» только что прибыл Джон Дори, – доложил он по-русски.

– Дори?

– Да.

Немного помолчав, Ковский спросил:

– Лабре с тобой?

– Со мной, – вздохнув, ответил Дрина.

Ковский думал. Итак, у Дори секретная встреча с Шерманом. Это могло оказаться чрезвычайно важным. Здесь нельзя допускать ошибок.

– Немедленно высылаю вам еще двоих. Наблюдаемых ни в коем случае не терять из виду. Ясно?

– Да.

Дрина вернулся за столик. Сдвинув шляпу, он вытер лоб.

– Человек, вошедший в гостиницу, – Джон Дори, директор ЦРУ, – сказал он. – Товарищ Ковский высылает нам еще двоих. С Шермана и Дори не спускать глаз. Ясно?

Лабре кивнул. Его длинные волосы развевались на ветру.

Сергей Ковский был невзрачным, безобидным на вид, лысым толстячком с бородкой, маленькими злыми глазками и крупным прямым носом. На работе он всегда носил дешевый черный мешковатый костюм с жирными пятнами на лацканах пиджака: Ковский ел много и не очень красиво.

Он просматривал бумаги, пришедшие с дипломатической почтой, когда зазвонил телефон.

Это снова был Дрина:

– Шерман уехал на такси в Орли, Лабре и Алекс следуют за ним. Думаю, Шерман вылетит в Нью-Йорк пятнадцатичасовым рейсом. Лабре позвонит вам из аэропорта. Макс и я следим за Дори. Он покинул «Парк-отель» немного раньше, в руках нес кинопроектор, вероятно Шермана, потому что появился там с пустыми руками. Дори отправился на улицу Сюис. На верхнем этаже дома, куда он вошел, живет Марк Гирланд... тот самый, что доставил нам столько неприятностей.

Глаза Ковского сузились.

– Очень хорошо, – произнес он, помолчав. – Макс пусть следует за Дори, когда тот выйдет. Ты пойдешь за Гирландом. Будь осторожен, не позволяй ему заметить тебя.

– Понял, – сказал Дрина и повесил трубку.

Ковский в раздумье уставился на стол, потом с легкой насмешливой улыбкой нажал на кнопку звонка.

Вошла полная бесформенная женщина с блокнотом и карандашом.

– Пришлите мне Маликова, – отчеканил Ковский, не глядя на нее: за восемь лет жизни в Париже он понял, что юные стройные тела нравятся ему гораздо больше.

Женщина удалилась. Через несколько минут дверь распахнулась и вошел Маликов.

Перед тем как впасть в немилость, Маликов считался самым эффективным и опасным из всех советских агентов. Это был великолепный атлет со светлыми серебристыми волосами. Квадратное лицо с широкими скулами, упрямый волевой подбородок и курносый нос выдавали в нем истинного славянина; от взгляда невыразительных зеленых глаз веяло ледяной стужей.

Маликов и Ковский были заклятыми врагами. Маликов всегда относился к Ковскому с холодным презрением, видя в нем бюрократа и карьериста. Маликова не смущало, что Ковский старше его чином, а Ковский был слишком малодушен для спора с гигантом. Но сейчас, когда положение Маликова изменилось и его отстранили от участия в операциях, Ковский решил наконец отомстить. Он написал начальству, предлагая перевести Маликова в Париж, чтобы тот в качестве секретаря помог ему справиться с потоком документов. Шутка Ковского понравилась его боссу, который тоже невзлюбил Маликова. В итоге Маликов был направлен

в Париж, чтобы заниматься рутинной и скучной работой. Не в силах пока изменить эту ситуацию, Маликов терпеливо ждал своего часа.

Войдя в кабинет Ковского, Маликов не сводил с него глаз.

– Я не слышал, как ты постучал, – процедил Ковский.

Маликов кивнул:

– Потому что я не стучал.

Он огляделся, выдвинул стул и сел, не сводя с начальника бесстрастного взгляда.

Ковского захлестнула волна ярости, но грозное мерцание в зеленых глазах заставило его сдержаться. Стоит Маликову захотеть, и он, Ковский, умрет мгновенной и малоприятной смертью в опытных руках профессионала.

– У тебя есть возможность поправить свое положение, – проговорил Ковский, насмешливо улыбаясь. – Слушай внимательно.

И он рассказал Маликову все, что знал: о прибытии Шермана, о встрече с Дори, о кинопроекторе.

– А это должно тебя особенно заинтересовать: судя по всему, Дори сейчас беседует с Гирландом... С человеком, который всегда побеждал тебя, благодаря которому ты оказался не у дел. Я должен знать, что происходит. Принимай задание. Лабре, Дрина, Алекс и Макс уже работают над ним. Тебе надо выяснить, почему Дори возится с кинопроектором, зачем приехал Шерман, зачем понадобился Гирланд. Я требую немедленных действий. Ты слышишь меня?

Маликов встал.

– Глухота не входит в число моих многочисленных недостатков, – сказал он и, не глядя на Ковского, покинул комнату.

Глава вторая

Этим ярким майским утром Гирланд проснулся в начале одиннадцатого. Он просыпался медленно, постепенно, сопя от удовольствия, потягиваясь и зевая; затем, вспомнив, что у него есть дело, нехотя выбрался из-под простыни и побрел в ванную. Все еще только наполовину проснувшись, он машинально стал водить электробритвой по щекам.

Накануне у него был изматывающий вечер. Девушка, которая составила ему компанию, оказалась слишком энергичной. Гирланд был рад раннему уходу подруги и возможности провести ночь спокойно.

Под струей холодной воды сон наконец отступил, и Гирланд почувствовал себя превосходно. Надев рубашку и светло-голубые джинсы, он поспешил на кухню и с надеждой заглянул в холодильник.

Через несколько минут на сковороде шипели яйца и два толстых ломтя ветчины. Подоспел кофе, и Гирланд понял, что мир прекрасен.

После завтрака он убрал посуду в раковину и поставил на стол зеркало. Потом, закулив сигарету, нашел колоду карт и, сев перед зеркалом, начал тасовать.

Сегодня он приглашен на покер. Двое были профессиональными шулерами, остальные – дойными коровами. Гирланд не хотел оказаться в числе тех, кого доят.

Он давно не играл в покер по-настоящему и переживал, что утратил технику. Наблюдая в зеркало за своими руками, сдающими карты с невообразимой скоростью, он признал, что маневр с определением туза вниз колоды будет замечен наметанному глазу.

Гирланд продолжал тренироваться еще час, пока не добился удовлетворительного результата. Затем приступил к другому трюку, гораздо более сложному: сдача себе туза, короля и дамы под «стрит». Гирланд все еще отрабатывал его, когда зазвонил телефон.

Он отложил карты, поколебался, затем пересек комнату и взял трубку.

– Это ты, Гирланд? – спросил очень знакомый голос.

– Если это не я, то какой-то паскудник нацепил мои штаны.

– Я буду у тебя через десять минут... Жди.

Гирланд положил трубку, почесал кончик носа и нахмурился.

– Если я не ошибаюсь, – произнес он вслух, – это старый козел Дори.

Он оглядел свою большую гостиную. С тех пор как из Дори удалось вытянуть несколько тысяч долларов, в ней произошли разительные перемены к лучшему. Исчезли холщовые шезлонги. Теперь в комнате стояли глубокие мягкие кресла и большой диван, который высоко оценили его подружки. Но главным украшением был восхитительный бухарский ковер, его богатая расцветка придавала гостиной своеобразный колорит.

Бормоча себе под нос, Гирланд поставил зеркало на туалетный столик, выкинул окурки из пепельницы в мусорную корзину и убрал постель.

Через пятнадцать минут на лестнице раздались шаги, затем прозвенел звонок.

Учащенно дыша после тяжелого подъема, Дори разглядывал открывшего дверь Гирланда – стройного мужчину, с тонкими чертами лица, черными волосами, седеющими на висках, с темными настороженными глазами, в которых часто светился насмешливый огонек, с резко очерченной линией рта и крупным, почти веллингтоновским носом.

Гирланд посмотрел на кинопроектор в руках Дори, и легкая улыбка появилась на его лице. Он покачал головой:

– Нет, благодарю... Не имею привычки покупать подержанные вещи.

– Не хами, – выговорил Дори, пытаясь перевести дыхание. – Мне надо поговорить с тобой.

Гирланд с покорным видом отошел в сторону:

– Проходи. Это сюрприз. Я думал, ты давно уже в Штатах, в отставке.

Дори игнорировал реплику. Он оглядел комнату; его взгляд остановился на красочном ковре, брови поднялись.

– Гм, милый коврик... Бухарский?

– Да, спасибо.

Дори подозрительно покосился на ухмыляющегося Гирланда:

– По-моему, ты купил его на украденные у меня деньги.

Гирланд рассмеялся:

– Присаживайся. Дай отдохнуть ногам. Тебе, наверное, тяжело подниматься по лестнице в таком возрасте...

Дори снял плащ, швырнул его на стул и уселся в большое кресло, с неодобрением глядя на Гирланда.

– Есть работка.

Гирланд поморщился и вытянул вперед руки, будто загораживаясь.

– Ну уж нет. Если это похоже на то, что ты мне подсунил в прошлый раз... Все, с меня достаточно твоих поручений. Я прекрасно обхожусь без тебя и намерен обходиться и впредь.

– Эта работа неофициальная, – многозначительно сказал Дори, закидывая ногу на ногу и неожиданно ощутив комфорт большого кресла. – Превосходная у тебя мебель.

– Рад, что тебе нравится, – улыбнулся Гирланд. – Очень благодарен.

Напряжение внезапно отпустило Дори, и он тоже улыбнулся:

– Ты ужасный плут, Гирланд. Временами ты мне даже симпатичен. Хочешь получить десять тысяч долларов?

– Ты пьян? – Гирланд поднял брови; он сел на диван и вытянулся на нем, с интересом посматривая на своего бывшего шефа. – От тебя?.. Не могу поверить.

– Десять тысяч на расходы, – объявил Дори, чувствуя, как Гирланд, словно голодная форель, заглатывает приманку. – Возможно, в результате набежит тысяч пятнадцать, а то и все двадцать.

Гирланд закинул руки на затылок, потом произнес:

– Знаешь, Дори, ты не так уж хитер. Ты уверен, что я продамся. Ну а я не продамся. Ты часто держал приманку перед моим носом, и я всегда клевал. И что? Я таскал вам каштаны из огня, а сам оставался в убытке. Нет, обойдусь без ваших денег.

Дори сухо улыбнулся.

– Что с тобой случилось, Гирланд? – спросил он, повысив голос. – Не валяй дурака. Время идет. Хочешь получить задание и гарантированные пятнадцать тысяч? Да или нет?

Гирланд не сводил с посетителя пристального взгляда:

– Гарантированные?

– Я уже сказал.

– Как будут выплачиваться деньги?

– Пять тысяч завтра и десять после окончания работы.

Гирланд покачал головой:

– Нет, не пойдет. Десять завтра и десять – после окончания. Да... На этих условиях я могу попробовать.

Дори фыркнул и поднялся:

– Да я любому могу предложить!.. Не воображай, что ты единственный.

– Вот и отлично, – сказал Гирланд и закрыл глаза. – Очень рад был повидаться и убедиться, что для своего возраста ты выглядишь прекрасно. Благодарю за визит. До свидания.

Дори поколебался, потом снова сел:

– Когда-нибудь, шельмец, я прижму тебя, и прижму хорошенько. Несколько лет, которые ты проведешь в тюрьме...

– Ты еще здесь? – Гирланд открыл глаза. – Беда в том, Дори, что ты относишься к жизни слишком серьезно. Фатальная ошибка... Ну хорошо, хорошо, только не надо разыгрывать оскорбленную невинность... Договорились или нет?

Дори подавил гнев. Дело было слишком важным. У Шермана денег хватает.

– Договорились, – наконец произнес он.

Гирланд пристально смотрел на него:

– Десять тысяч завтра утром и десять – после окончания работы?

У Дори вырвался раздраженный вздох:

– Да.

Гирланд свесил ноги с дивана и сел. Его лицо сделалось внимательным и настороженным, глаза заблестели.

– Рассказывай. Что за работа?

Дори достал кинопроектор.

– Ты знаешь, как с ним управляться? Я не умею... Я хочу, чтобы ты посмотрел фильм.

– О, с удовольствием. – Гирланд поднялся, установил проектор и задернул длинные золотистые шторы. – Не правда ли, симпатичные? – произнес он, щупая материал. – Опять же, спасибо.

– Прекрати! – зарычал Дори. – Я многое терплю от тебя, но предупреждаю...

Гирланд рассмеялся и включил проектор. Плюхнувшись на диван, он стал наблюдать за происходящим на экране. Когда он понял, какого сорта фильм, то пробормотал:

– Дори, ты меня изумляешь! Но как мило с твоей стороны позаботиться обо мне...

Наконец пленка выскочила из катушки. Гирланд встал, выключил проектор и отдернул шторы. Потом вернулся к дивану и лег.

– Продолжай. Все-таки я не могу поверить, что ты принес фильм исключительно для моего развлечения. К чему все это?

– Существуют еще три подобных фильма, – сказал Дори. – Нужно их разыскать. Я хочу найти и девушку. Эти три фильма сделаны в Париже; думаю, и она здесь. Вот твое задание, Гирланд.

– А как насчет остального?

– Больше тебе ничего знать не надо, – огрызнулся Дори. – Тебе платят...

– А-а, брось! Если я берусь за дело, то должен знать все. Каким образом здесь замешан ты?

– Не лезь куда не просят, Гирланд. Я хочу, чтобы ты нашел три других фильма и девушку... Вот за что тебе будут платить.

Гирланд приподнялся, достал сигарету из пачки на столе и закурил:

– Как поживает наш будущий президент? У него нет никаких проблем и огорчений? Он счастлив?

Дори подпрыгнул, будто ужаленный:

– Что ты несешь? О чем...

– Хватит! – нетерпеливо оборвал Гирланд, он уселся на диване лицом к Дори. – Эта девушка – Джиллиан Шерман, дочь кандидата в президенты Соединенных Штатов... помоги им Бог! Неудивительно, что ты предлагаешь такие деньги. Ну, Дори, возможно, впервые в своей жизни ты совершил правильный поступок, придя ко мне. Эта работа как раз для меня... Ладно, ладно, ты ведь не индюк, страдающий коликами... Она – дочь Шермана, не так ли?

Дори тяжело вздохнул:

– Ты ее знаешь?

– Видел мельком. Одна маленькая злючка шепнула мне на ухо, что это дочка Шермана. Месяца три назад... может, больше.

– Где ее найти?

– Это не ответ на мой вопрос. Она действительно дочь Шермана?

– Да. – Дори поколебался, затем принял решение. – Шермана шантажируют. Требуют снять кандидатуру на выборах, угрожают в противном случае послать фильм оппозиции. Этим его полностью дискредитируют... Он пришел ко мне. Я пришел к тебе.

Гирланд размышлял, его лицо оставалось бесстрастным.

– Не так-то просто вытягивать из тебя факты, – произнес он наконец. – Итак, за двадцать тысяч долларов Шерман надеется стать президентом США, поручая грязную работу мне.

– Разве этой суммы недостаточно? – разозлившись, спросил Дори.

– Я не горю желанием спасти его. Мне он не нравится. Я знаю, как он стремился избавиться от дочки. Он мерзкий, подлый тип, рвущийся к власти и убиравший с дороги всех, кто может помешать. Мне не нравится его политика. Я не буду голосовать за него. Я бы не ответил ему, который час, если бы он у меня спросил.

Дори сказал спокойно:

– Помогите, пожалуйста, сложить проектор. Вижу, что только зря теряю с тобой время.

Поднявшись, Гирланд произнес:

– Не будь таким обидчивым. Ты же знаешь, я возьмусь за работу. Ты знаешь, что за большие деньги я возьмусь за любую работу. Оставь мне этот фильм. Через день я тебе что-нибудь сообщу. – Он внезапно улыбнулся. – Десять тысяч я желаю получить в аккредитивах.

– Хорошо. – Дори надел плащ. – Мне не нужно предупреждать тебя: если случится хоть малейшая утечка информации...

– Прошу. – Гирланд указал на дверь. – Теперь это мое дело.

Макс Линц, недавно переведенный в Париж из Восточного Берлина, был высоким и очень худым лысоватым пятидесятилетним мужчиной, с глубоко посаженными глазами и тонкими губами, выражавшими озлобленность, в свои годы он оставался отличным стрелком из пистолета и умело следил за объектом.

Дрине он нравился. Они были одного возраста и хорошо ладили. В то время как Поль Лабре своей молодостью и манерами часто раздражал Дрину, Линц действовал на него успокаивающе.

Они ждали в кафе возле дома Гирланда.

– Предпочитаешь следить за Дори? – неожиданно предложил Линц. – Я позабочусь о Гирланде... если хочешь.

Дрина нахмурился. Эта реплика подразумевала, что он не в состоянии взять на себя Гирланда. Дрина искоса посмотрел на Линца:

– Наше дело – выполнять приказы. Я должен следовать за Гирландом, так велел товарищ Ковский.

Линц пожал плечами:

– Как знаешь. Но будь осторожен, Гирланд – профессионал.

Дрина заерзал на стуле.

– Я тоже. – Он подозрительно посмотрел на Линца. – Ты сомневаешься?

Хотя Дрина был по душе Линцу, втайне Макс думал, что Ковский совершил ошибку, поручив Дрине следить за Гирландом. Впрочем, это дело Ковского.

– Да что ты...

Наступило долгое молчание. Дрина потягивал остывший кофе и наблюдал за выходом из дома.

– Я слышал, Маликова перевели в Париж, – заметил Линц. – Он сейчас в немилости.

– Да. – Маленькие глазки Дрины внимательно обожедали террасу кафе: никто не мог их услышать. – Прекрасный человек...

– Это может случиться с любым из нас.

– Гирланд переиграл его.

– Да, говорят. Как ты думаешь, долго Маликов будет оставаться в опале?

Дрина поколебался и, вновь убедившись, что никто их не слышит, ответил:

– Ковский его ненавидит.

– Из этих двоих, – тихо произнес Линц, – я предпочитаю Маликова.

«Это слишком опасно», – подумал Дрина. Он пожал плечами.

– Пожалуй, лучше нам оставить эту тему, Макс, – сказал он робко. – Ничего хорошего из обсуждения личностей не выходит.

– Это правда.

Двое мужчин молча сидели на террасе, пока на улице не появился Дори, направляясь к своему «ягуару».

– Вот и мой, – сказал Линц. – Ну счастливо... Будь осторожен.

Он встал, вышел на улицу, сел в старенький «Рено-4» и последовал за «ягуаром».

Дрина проводил его взглядом, положил на столик три франка, закурил «Голуаз» и стал ждать. Он нервничал. Линц прав: Гирланд настоящий профессионал. От одной мысли, что придется следить за этим человеком, Дрина вспотел. «А если я его потеряю? А если Гирланд меня засечет?»

Дрина так разнервничался, что не мог больше усидеть за столиком. Он поднялся, махнул официанту, показывая на деньги, пересек узкую улочку и сел в свою машину.

Через десять минут из дома вышел Гирланд в коротком кожаном плаще, надетом поверх свитера и джинсов, и сел в маленький дряхлый «Фиат-600». Дрина завел машину и последовал за «фиатом» по улице Раймон Лосран и проспекту Мэн. Здесь Гирланд повернул налево. Дрина пропустил вперед две машины. На улице Вожирар Гирланд повернул направо и вскоре въехал во двор.

Дрина, вынужденный проехать дальше, едва успел заметить, как Гирланд вылез из машины, и тут же потерял его из виду. Ругаясь сквозь зубы, он свернул на боковую улочку, остановил автомобиль и, не заперев его, помчался назад.

«Фиат» все еще стоял во дворе, но Гирланд исчез. Дрина огляделся. Во двор выходило несколько дверей. Латунная табличка на одной из них привлекла его внимание: «БЕННИ СЛЕЙД. Фотостудия».

«Гирланд зашел сюда», – вспомнив о кинопроекторе, решил Дрина. Теперь он сожалел, что не согласился на предложение Линца. Когда Гирланд выйдет из здания и уедет, придется бежать назад к машине, а за это время «фиат» неминуемо потеряется в оживленном потоке транспорта. Дрина остановился в нерешительности, потом собрался с духом и пошел звонить Ковскому: нужна помощь.

Не подозревая, что за ним следят, Гирланд поднялся в студию Бенни Слейда, нажал на кнопку звонка и стал ждать.

Он знал Бенни Слейда несколько лет. Этот веселый, чудовищно толстый гомосексуалист был прекрасным фотографом и держал весьма прибыльное дело, поставляя в роскошные гости-ницы, где останавливались американцы, цветные диапозитивы и фильмы «Девушки Парижа». В его работах не было ничего порнографического, но каждая поза демонстрировала артистизм и чувственность. Диапозитивы и фильмы пользовались большим спросом: американские тури-сты с удовольствием покупали их, чтобы показать соседям, как много они потеряли, оставшись дома.

Дверь открыл хорошенький молодой парнишка в обтягивающем трико и белой рубашке навыпуск. Он застенчиво улыбнулся Гирланду и спросил:

– Да, месье?

– Бенни высиживает яйцо?

Брови юноши поползли вверх.

– Мистер Слейд фотографирует.

– А когда он этого не делает?.. Ладно, я подожду.

Гирланд пошел по коридору. Мягкий бледно-розовый свет исходил из бра в виде золоченых рук и действовал умиротворяюще.

– Как мне доложить, месье?

– Гирланд... Бенни меня знает.

Парнишка забежал вперед и отворил дверь:

– Сюда, пожалуйста. Мистер Слейд сейчас подойдет.

Гирланд вошел в большую светлую комнату, шикарно обставленную и украшенную фотографическими шедеврами Бенни. В дальнем конце комнаты на стуле сидела, листая журнал, девушка с сигаретой в тонких изящных пальцах. Она подняла голову и посмотрела на Гирланда. «Ах, какая куколка», – подумал он.

Девушке было двадцать три – двадцать четыре года. Длинные светлые волосы ниспадали ниже плеч и скрывали большую часть ее лица. Глаза у нее были величины и цвета первоклассных сапфиров, ноги длинные и стройные, а губы так и звали к поцелуям. Белая шелковая накидка не скрывала упругих выпуклостей груди. Девушка плотно запахла накидку, заметив, как Гирланд на нее смотрит.

Он одарил ее самой чарующей улыбкой:

– Словно у зубного врача ждешь, не правда ли? Ты позируешь для Бенни?

– Да. – В ее глазах зажегся внезапный интерес. – А ты?

– Я?! – Гирланд засмеялся и сел поблизости. – Бенни не захочет снимать меня. Я по другому делу. Позволь представиться – Марк Гирланд.

– А я – Ви Мартен.

Они снова принялись изучать друг друга.

«Эта девушка, – сказал себе Гирланд, – будет дьявольски хороша в постели».

– Ты много работаешь у Бенни? – поинтересовался он.

Ви скривилась:

– Раз в месяц: конкуренция большая. Сюда норовит пролезть любая корова, которой есть что показать. Они снимаются почти задаром.

– Это ужасно. Чем же ты занимаешься в остальное время?

– О, я модельер. – (Гирланду не стоило труда догадаться, что это неправда.) – А что делаешь ты?

– Я не хожу на службу. Это против моих принципов, – легкомысленным тоном ответил Гирланд.

– Против моих тоже, но я должна что-то есть.

– Куколке с твоей внешностью не пристало беспокоиться о подобных пустяках.

Она улыбнулась:

– Я не слишком-то беспокоюсь... Как же ты обходишься без работы?

Ви позволила краям накидки слегка разойтись и запахла их только после того, как Гирланд хорошенько разглядел ее крепкие и округлые бедра.

– Перебиваюсь! Вот встретимся вечером за ужином, и я расскажу... Если тебе интересно.

Девушка кивнула:

– С удовольствием! Я никогда не хотела работать.

– Похоже, у нас много общего. Ты знаешь ресторан Гарина?

Сапфировые глаза широко раскрылись.

– Я слышала... Там ведь убийственные цены?

Гирланд пожал плечами:

– Зато изумительная кухня. Хочешь поужинать со мной сегодня вечером в девять?
Ее лицо сделалось серьезным.

– Я не люблю быть обманутой.

– Послушай, милая, я не обманываю прелестных куколок, – спокойно сказал Гирланд. – Раз я пригласил девушку в ресторан, значит пригласил.

– А что будет, – спросила Ви резко, – если ты не оплатишь счет?

– Фи. Подозрительность женщине не к лицу... Хорошо, я заеду за тобой. Где ты живешь, неверующая?

Она с облегчением рассмеялась:

– Верю, верю. Итак, в девять у Гарина. – Ее глаза заблестели. – У тебя ведь есть абстрактные картины, которые мы могли бы потом посмотреть?

– Никаких картин, – сказал Гирланд, перехватив ее взгляд. – Но у меня есть чудесный бухарский ковер. Музейная редкость.

Дверь с треском распахнулась, и Бенни Слейд вошел в комнату, словно настоящий слон. Но, несмотря на свои двести фунтов веса, он передвигался на удивление легко и быстро.

Не успел Гирланд опомниться, как его заключили в мощные объятия, прижали к гулкой, как барабан, груди, сильнейшими похлопываниями чуть не разбили спину, затем оттолкнули, и над Гирландом нависло жизнерадостное лицо Бенни.

– Марк, душка моя! Я так рад! Ты здесь! Только прошлой ночью я мечтал о тебе, а сейчас... ты здесь!

– Осади назад, Бенни, – проговорил Гирланд, вырываясь из объятий. – Ты портишь мне репутацию. Мы не одни. С нами дама.

Бенни хихикнул и повернулся к Ви:

– Привет, детка. Это мой очень хороший приятель, Марк Гирланд. Прекраснейший человек! Он...

– Бенни! Прекрати! – выкрикнул Гирланд. – Мы уже знакомы. Не будь таким болтливым. Мясистое лицо Слейда выразило крайнее огорчение.

– Я что-то не то сказал?

– Пока нет... Мисс Мартен ожидает съемок.

Бенни сделал жест драматического отчаяния.

– Не сейчас, любовь моя, – сказал он, поворачиваясь к девушке. – Прости. Скажи Алеку, чтобы он все устроил. Понимаешь?... И приходи завтра утром.

Холодность Ви могла заморозить все что угодно.

– Думаешь, эта мерзкая крыса заплатит мне за ожидание? – заявила она, вставая. – Бьюсь об заклад, что нет.

– Ах, моя прелесть, не надо так говорить. Алек искренне любит тебя.

– Да. Как мангуста любит змею.

Бенни зашелся в хохоте:

– Какая милочка!.. Не волнуйся, дорогуша, я поговорю с Алеком. Одевайся.

Бенни обвил толстую руку вокруг шеи Гирланда и повел его к двери.

Гирланд обернулся к улыбающейся ему девушке.

– Операция «Бухара» ровно в девять, – напомнил он.

Ви кивнула, и Бенни полуввел, полувтащил Гирланда в коридор:

– Марк, ты ведь не собираешься с ней шалить?

– А почему бы и нет?

– У нее плохой приятель. – Бенни распахнул дверь в комнату. – Он втыкает ножи в людей.

– Я тоже.

Слейд вложил уйму денег и сил, чтобы создать оригинальный интерьер, и это получилось на славу: огромный стол со сверкающей бронзовой столешницей, глубокие кресла, покрытые

шкурами зебр, экзотические орхидеи за стеклянными витринами... Все это заливали розовыми лучами вычурные светильники.

– Фью! – присвистнул Гирланд, озираясь по сторонам. – Недурно устроился, а?

– Нравится? – Бенни рассмеялся как ребенок. – Потребовались недели, милый, честно...

Тебе действительно нравится?

– Нет слов, – признался Гирланд, утопая в кресле.

– В самом деле? Я счастлив! Эта обстановка превосходно действует на клиентов. Они прямо...

– Послушай, Бенни, я спешу. Мне нужна твоя помощь.

Несколько месяцев назад Гирланд разыскал человека, шантажировавшего Слейда, и круто с ним обошелся, а иначе Бенни оставил бы бизнес. С того времени Слейд стал рабом Гирланда.

– Моя помощь? Конечно, дорогой, все, что могу. – Лицо Бенни утратило глуповатое выражение, глаза смотрели настороженно. Он уже не казался мягким и забавным. – Проси, и ты получишь.

– Я хочу, чтобы ты посмотрел один фильм. Надо определить, кто и где его снимал.

– Пойдем в студию.

– Дело совершенно секретное, Бенни. Я не пришел бы, если бы не был уверен в тебе.

– Хорошо, сладкий. Я однажды положился на тебя. Положись теперь на меня.

Слейд направился в большую студию с экранами, юпитерами, киноаппаратурой и широоченной тахтой, на которой фотографировались девушки.

Светловолосый юноша, встретивший Гирланда, возился с камерой.

– Ступай, Алек, мой дорогой. Заплати Ви.

– Она ведь не работала, – нахмурившись, сказал Алек.

– Ничего, не надо быть скупым... Она придет завтра.

Юноша пожал плечами и удалился. Бенни щелкнул задвижкой на двери.

– Сейчас мы одни, – сказал он. – Можно смотреть фильм.

Это было не совсем точно. Ви Мартен, незаметно войдя в студию за сумочкой, услышала шаги и спряталась за одним из больших экранов, заинтригованная Гирландом. Она горела желанием узнать, какое дело привело его к Слейду.

Двое мужчин стояли рядом и смотрели фильм. Ви улучила момент и высунула голову. Одного взгляда было достаточно, чтобы все понять.

Когда фильм закончился, Бенни включил свет:

– Кто эта девушка? Я полагал, что знаю почти всех, но ее никогда не видел.

– Не обращай внимания. – Гирланд присел на край стола. – Она меня не интересуется.

Вопрос – кто снимал?

Бенни в задумчивости поскреб ухо:

– В Париже таким бизнесом занимаются шесть человек. – Он опустил на стул и посмотрел на Гирланда. – В дело вложены большие деньги, но это рискованно. Никогда не знаешь, схватят ли тебя за шиворот. Взять, к примеру, эту ленту. По грубой оценке, она стоит тысяч тридцать. Принцип какой? Снимают фильм, делают копии, тайно провозят их в Англию и Америку и продают по сотне долларов... иногда дороже. У каждого свой почерк. Я бы сказал, что этот фильм снят Пьером Рознольдом. Не могу поклясться, но освещение и манера работать камерой...

– Где мне его найти?

– У него студия на улице Гарибальди. Официально он специализируется на портретах кинозвезд и высокопоставленных лиц, но основной навар идет с порнофильмов.

– Ты его знаешь?

Лицо Бенни сморщилось в отвращении.

– Меня не увидят с ним в одном туалете. Презираю скотов.

– А мужчина в фильме?

– Один из постоянных его жеребцов, Джек Додж. Американец. Я его никогда не встречал, но слышал, что он прикрывает лицо темной сеткой. Додж работает в баре Сэмми, куда обычно заваливаются толпы туристов. – Бенни заерзал по стулу необъятным задом. – Меня заинтересовала девушка. Она, конечно, любитель, но какая техника!.. Я мог бы предложить приличные...

– Забудь про нее, – твердо заявил Гирланд. – Снято еще три таких фильма, Бенни, и мне нужно их найти. Похоже, придется немного прижать Рознольда, чтобы сделать его разговорчивым.

Маленькие глазки Слейда расширились.

– Будь осторожен, дорогуша. Он не прост.

– Я тоже. – Гирланд соскочил со стула и улыбнулся. – Ну спасибо. Пойду к Рознольду.

Бенни вынул катушку с фильмом и передал Гирланду:

– Если понадобится, дай знать.

Когда они вышли в коридор, Ви Мартен выскользнула из-за экрана, тихо пробежала в уборную и торопливо стала одеваться.

С лица градом катил пот, но Дрина оставался на посту. Обещанный Ковским человек до сих пор не появлялся.

Что делать, если помощь запоздает? Гирланд укатит на своей машине, и кто тогда будет виноват? Учитывая, что Ковский и так недоволен его работой, можно запросто попасть в беду.

Дрина снял потертую шляпу и вытер лысину. Переступил с ноги на ногу. Сердце сильно колотилось, во рту пересохло.

Неожиданно из здания вышел Гирланд.

Дрина оказался к этому не готов. Ему не следовало стоять у входа во двор. Надо было затаиться в одном из многочисленных дверных проемов большого жилого дома. Теперь поздно. Дрина совершенно растерялся и, повернувшись, пошел к улице. Не двигайся он так торопливо, Гирланд, вероятно, не обратил бы на него внимания. Но настороженный этим паническим бегством, Гирланд направился вперед, навстречу невысокому толстяку в засаленной шляпе, внезапно заматаившемуся по сторонам.

Они внимательно посмотрели друг на друга.

У Гирланда тоже была фотографическая память.

– Пардон, – промолвил он, обогнул советского агента и широкими шагами двинулся к бульвару Пастера.

Не смея поверить своей удаче, Дрина пошел за ним. Порой он был вынужден переходить на тротуар, чтобы поспеть за стремительно удалявшимся Гирландом, и пот стекал по красной физиономии Дрины, когда он, расталкивая людей, торопился за американцем.

«Совпадение? – думал Гирланд. – Вряд ли. Русские в деле Шермана?..»

Дойдя до бульвара Пастера, он нырнул в людное бистро и сел за свободный столик в дальнем углу большого помещения.

Дрина заколебался. Он также был голоден и, решившись, устроился за одним из столиков снаружи, на террасе, откуда просматривался выход.

Со своего места Гирланд мог наблюдать за террасой и толстяком.

Когда подошел официант, Гирланд заказал мясо и легкое немецкое пиво. Дрина взял порцию ветчины и водку.

Дрина занял неудачное место. Он мог держать под наблюдением выход из бистро, но не видел в темноте Гирланда. Понимая это, Гирланд встал и, подойдя к телефону, вызвал Дори.

– Сдается мне, фильмом заинтересовались наши советские друзья. У меня на хвосте Дрина.

Дори знал Дрину, как знал каждого действующего в Париже советского агента.

– Фильм с тобой?

– Конечно.

– Где ты находишься? – (Гирланд сообщил.) – Оставайся на месте. Высылаю тебе прикрытие.

– Очнись! Ты не можешь использовать своих людей.

Дори проглотил оскорбительные интонации, сознавая, что Гирланд прав:

– Но если они получают фильм...

– Они не получают его. Ты же не молоденькая курочка, несущая первое яйцо! Я уйду от этого слюнтяя и позвоню тебе позже. Просто я решил, что своей новостью повышу вам кровяное давление.

И Гирланд повесил трубку.

Он вернулся за столик, неторопливо и с аппетитом поел, расплатился и вышел на людный бульвар.

Дрина следовал позади на расстоянии нескольких метров, довольный тем, что Гирланд его не заметил.

Но когда они подошли к людям, смотревшим телепередачу в витрине магазина радиотоваров, Гирланд быстро смешался с толпой и скользнул в дверь.

Он исчез, растворился, растаял! В панике Дрина отчаянно крутил головой, порываясь бежать во все стороны сразу.

Наблюдая за охваченным ужасом никудышным агентом, за его искаженным лицом, Гирланд ухмылялся.

Глава третья

На верхних этажах самых старых парижских домов располагаются клетушки, где некогда жили слуги жильцов нижних этажей. Но сейчас, когда в слуги никто не идет, домовладельцы сдают эти жалкие маленькие комнатки студентам или тем, кому не по карману более высокие цены.

Ви Мартен занимала одну из таких клетушек на восьмом этаже ветхого здания по улице Зингера. Туалет, электрообогреватель, кровать, сломанное кресло и гардероб – вот и вся нехитрая обстановка. Под окном стоял столик с транзисторным приемником, из которого непрерывно лилась музыка, с утра и до тех пор, пока Ви не ложилась спать. Ви просто не представляла себе, как можно жить без неумолкающего рева поп-музыки.

На ее этаже было еще восемь маленьких комнат. Их занимали четыре престарелые женщины, с утра отправлявшиеся на уборку, два вдовца, работавшие на почте неподалеку, и две испанские четы, служившие внизу. Эти люди имели привычку оставлять двери открытыми, чтобы общаться с соседями, не выходя из комнат. Разговоры, ведущиеся в полный голос, грохот улицы и вой транзистора сливались в невообразимый шум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.